

Глава 1

В разгар лета, под палящим полуденным солнцем, тихая и мирная деревня Ланьтан словно бурлила странной, непривычной тревогой.

Во дворе, расположенном на восточной окраине деревни, Шэнь Цин был занят подготовкой к осеннему урожаю. Он выносил из дровника сельскохозяйственные орудия, точил их, очищал от ржавчины и аккуратно раскладывал.

Шэнь Цин был гером, высоким и худощавым, похожим на молодую тополь. Ему было почти девятнадцать, в то время как большинство геров в деревне начинали трудовую жизнь в четырнадцать-пятнадцать лет и женились к шестнадцати-семнадцати. Но он оставался одиноким.

Кроме его известного вспльчивого характера, причина крылась ещё и во внешности. Если бы не слегка тусклое родимое пятно на лбу, его можно было бы принять за сильного и привлекательного молодого человека.

Однако в это время геров считали красивыми лишь в том случае, если они выглядели нежными, женственными, маленькими, светлокожими и хрупкими. Шэнь Цин же с загорелой кожей, густыми бровями, резкими чертами лица и внушительным ростом был полной противоположностью идеала.

Хотя его внешность и притягивала взгляд своей мужественностью, жители деревни предпочитали геров с более женственными чертами. Старики лишь шептались о том, что его тусклое родимое пятно — знак плохой плодовитости, а парни его возраста прямо насмеялись, обсуждая за его спиной, какой он «некрасивый».

Большинство геров были чуть выше женщин, но Шэнь Цин возвышался даже над среднестатистическим мужчиной в деревне на полголовы. Именно это больше всего осложняло ему брачные перспективы — какой мужчина согласится на гера, который выше его самого?

Некоторые семьи проявляли интерес, предлагая своих сыновей ему в мужья, так как ценили его трудолюбие. Но как только молодые люди узнавали об этом, они устраивали скандалы и категорически отказывались. После нескольких публичных унижений репутация Шэнь Цина только ухудшалась, поэтому его женитьба была отложена на неопределённое время.

Теперь он сидел у окна дома с кучей инструментов, аккуратно точил их и подслушивал бурный спор внутри.

Тем утром его два дяди, Мяо Син и Мяо Ван, приехали из деревни Шицю с шестью-семью крепкими мужиками. В доме были староста деревни Чжао Юдан, а также бабушка и дедушка Шэнь Цина, отец, мать и семья второго дяди. Дом был набит людьми, и все обсуждали требование его отца, Шэнь Чжигао, развестись с матерью. Спор внутри был настолько жарким, что казалось, будто крыша вот-вот рухнет.

Как раз когда Шэнь Цин сосредоточился на разговоре, к его ноге прилепился ком грязи, оставив на тёмно-синей обуви коричневое пятно.

Нахмурившись, он поднял взгляд и увидел двоюродного брата Шэнь Чжуна, озорно ухмыляющегося и сжимающего в руке ещё один ком грязи.

«Эй, идиот! Если мой дядя разведётся с твоей мамой и женится на вдове Ли, тебе придётся

называть её «мамой»?» — насмешливо сказал Шэнь Чжун.

Рядом, шив ручник, сидела его младшая сестра Шэнь Сяоцзюнь. Услышав это, она прикрыла рот и тихо захихикала.

Шэнь Цин молчал, сжав в руках топорик и глядя на Шэнь Чжуна суровым взглядом. Улыбка мальчика слегка померкла, но он всё же швырнул грязь и убежал.

В другое время Шэнь Цин, вероятно, затолкал бы весь этот ком грязи Шэнь Чжуну в рот. Но сейчас у него были дела поважнее. Он нахмурился на мальчика и снова продолжил подслушивать.

Вся деревня уже знала о скандале у него дома. Даже сейчас люди прятались за стенами, жадно желая увидеть драму своими глазами.

Этот спор тянулся уже больше половины месяца. Его отец, Шэнь Чжигао, тайно встречался с вдовой Ли, и теперь она была на третьем месяце беременности.

Она утверждала, что врач в уезде подтвердил: родится мальчик. Как врач мог определить пол ребёнка на третьем месяце, оставалось загадкой, но Шэнь Чжигао поверил ей. Он поспешил домой, требуя развода с матерью Шэнь Цина, Мяо Ши, чтобы жениться на вдове Ли.

Внутри дома слышались рыдания Мяо Ши.

Мяо Ши была несчастной женщиной. Когда она вышла замуж за Шэнь Чжигао, она быстро родила Шэнь Цина. Семья была немного разочарована тем, что родился гер, но оставалась в надежде, ведь невестка всё ещё была молодой.

Два года спустя у неё родился второй ребёнок — мальчик по имени Шэнь Чжан, что принесло радость всей семье.

Но при третьей беременности произошла трагедия: она упала и получила осложнения. Ребёнок не выжил, и это событие лишило её возможности рожать снова.

Сначала семья оплакивала несчастье, но, раз у них остался Шэнь Чжан, они смирились. Однако судьба оказалась жестокой. Когда Шэнь Чжану было шесть лет, он утонул, играя в реке.

С потерей единственного сына и невозможностью Мяо Ши снова зачать ребёнка, Шэнь Чжигао погрузился в горе и начал выпивать. Со временем его отношение к Мяо Ши и Шэнь Цину охладело.

Без защиты главы семьи Мяо Ши и Шэнь Цин стали изгоями в доме, неся на себе всю тяжёлую работу и подвергаясь постоянным оскорблениям.

Шэнь Цин, когда-то слишком молодой, чтобы сопротивляться, вырос высоким и сильным мужчиной, что предотвращало дальнейшие побои. Но к тому времени Шэнь Чжигао уже начал лелеять своего племянника Шэнь Чжуна как наследника.

А теперь, с беременной вдовой Ли, Шэнь Чжигао хотел стереть прошлое и полностью забыть Мяо Ши.

В деревне и так было непросто жениться, поэтому развод и раздельное проживание были

редким явлением. Шэнь Чжигао, абсолютно неграмотный, слышал о «Семи основаниях для развода» лишь от рассказчика у чайной. Он не понимал их до конца, но пытался развестись любыми способами.

То, чего он не понимал, знали братья Мяо — и они привезли того, кто понимал ещё больше.

В отличие от деревни Ланьтан, деревня Шицю располагалась ближе к уездному центру и была более развитой. Здесь выросли два учёных, и даже была открыта школа. К тому же, в отличие от смешанной по фамилиям деревни Ланьтан, почти восемьдесят процентов жителей Шицю носили фамилию Мяо. Это делало их общину сплочённой. Сегодня братья Мяо приехали заступиться за свою сестру, даже заручившись поддержкой старого учёного из деревни, который прислал вместе с собой старшего сына.

Фамилия у сына учёного была Мяо. Для Шэнь Цина он был дядей по материнской линии. Ему было около двадцати семи или двадцати восьми лет, ещё в детстве он сдал императорский экзамен и считался вундеркиндом. Хотя в последние годы развития у него не было, в деревне его всё равно уважали.

Услышав спор Шэнь Чжигао, Мяо Туншэн неторопливо закатал рукава и улыбнулся: ««Семь оснований для развода» касаются бесплодных женщин. Но давайте разберёмся: ваша жена не только родила гера и воспитала его до взрослого возраста, но и родила вам сына. То, что он не выжил, — это ваша судьба, а не доказательство, что девушки из деревни Шицю не могут рожать детей.

Более того, пункт о бесплодии касается только пар старше пятидесяти лет. Ни вы, ни она этого возраста не достигли, значит, этот пункт к вам не применим. Даже если вы подадите это дело в уезд, решение будет одно: у вас нет оснований для развода!

Но вы, Шэнь Чжигао, имея жену, вступили в прелюбодеяние с вдовой Ли. Прелюбодеяние — преступление! Если об этом сообщат властям, и вы, и ваша любовница будете изгнаны!»

Шэнь Чжигао остолбенел. Он никогда не изучал законы, он лишь баловался с вдовой. Как это могло привести к изгнанию? Увидев уверенное выражение лица Мяо Туншэна, он впал в панику и инстинктивно посмотрел на самого сведущего в законах человека в деревне — старосту.

Староста Чжао Юдан бросил на Шэнь Чжигао строгий взгляд, затем прокашлялся: «Мы простые деревенские жители, в законы не вмешиваемся. Обычно такие вопросы решаем сами, не обращаясь к властям».

Прелюбодеяние действительно было преступлением, наказуемым изгнанием, но на практике, если никто не донесёт, власти не вмешиваются в дела деревни. Да и сами жители редко обращались к правительству, опасаясь его вмешательства. В этих маленьких сообществах законами управляли главы кланов, старосты и старейшины. Как правило, случаи прелюбодеяния решались поркой. Лишь в более строгих деревнях нарушителей выгоняли или, в крайних случаях, топили.

Если жители обойдут старосту и обратятся прямо к властям, это будет прямым вызовом его авторитету.

Мяо Туншэн усмехнулся: «Конечно, я бы не упоминал закон, если бы он сам не попытался воспользоваться «Семи основаниями для развода» как оправданием. В конце концов, между жителями деревень Шицю и Ланьтан много браков. Мы не хотим портить отношения».

Староста Чжао почувствовал лёгкое смущение. Как глава Ланьтан, он обязан был защищать своих людей, иначе жители не стали бы его уважать и слушаться. Но в данном случае Шэнь Чжигао был полностью неправ. Если он встанет на его сторону, он потеряет лицо перед жителями Шицю.

Мяо Туншэн ясно дал понять: это не просто личный спор между семьями Шэнь и Мяо. Если с этим плохо справиться, это перерастёт в конфликт между двумя деревнями.

Женщина из Шицю вышла замуж в Ланьтан, родила детей, вела хозяйство и ничего не нарушила. Она даже пожертвовала здоровьем, пытаясь родить мужу сына. А теперь, после десятков лет трудностей, муж хочет выбросить её ради вдовы, которая может родить ему ещё одного ребёнка?

Если староста Чжао вынесет несправедливое решение, репутация деревни Ланьтан будет испорчена. В будущем какие семьи, особенно из Шицю, осмелятся отдавать своих дочерей или геров замуж в Ланьтан?

Мяо Туншэн дал ему предупреждение.

Староста Чжао тщательно взвесил ситуацию. Он не хотел разрушить репутацию всей деревни лишь для того, чтобы потакать эгоистичным желаниям Шэнь Чжигао. После долгих раздумий он решил, что нашёл компромисс, пусть и с определённой жертвой со стороны Мяо Ши.

Он мягко заговорил: «В нашей деревне всегда соблюдалась традиция моногамии — мы не берём наложниц и вторых жён. Однако, учитывая, что вдова Ли уже беременна от Шэнь Чжигао, возможно, придётся сделать исключение.

Мать гера Цина, я прошу вас стерпеть это горе и позволить ей войти в дом в качестве второй жены, служа вам. Когда она родит, её ребёнок будет воспитываться под фамилией Шэнь, и он будет обращаться к вам как к первой матери. Она будет лишь второй матерью, а сын будет обязан проявлять к вам преданность».

Мяо Ши опустила голову, лицо её было бесстрастным. После многих лет страданий в доме Шэнь она стала похожа на костлявый скелет. Все эмоциональные переживания последних дней сделали её настолько хрупкой, что казалось, что она может рухнуть в любой момент. Несмотря на то, что она была младшей сестрой Мяо Сина, выглядела она даже старше него: в волосах уже пробивались седые пряди.

Слёзы оставили следы на её истощённом лице, и она тревожно сжимала край одежды, не зная, что делать. Почувствовав полное бессилие, она обратилась к своим братьям за поддержкой.

Мяо Син и Мяо Ван обменялись взглядами. Их переполнял гнев, но учитывая обстоятельства, они поняли: это может быть единственным приемлемым решением. Они готовились обсудить более выгодные условия для сестры, прежде чем согласиться на предложенный вариант.

Но прежде чем они успели сказать хоть слово, Шэнь Чжигао резко вмешался: «Нет!»

Он замолчал под яростным взглядом старосты, но всё же выдавил из себя продолжение: «Цзяофэн сказала, что не будет второй женой. Она настаивает, что ребёнок, которого она родит, не должен воспитываться другой женщиной. Если её не сделают главной женой, она лучше примет лекарство и прервёт беременность!»

Вдова Ли использовала своё положение, будучи беременной, как рычаг давления и говорила

это Шэнь Чжигао снова и снова. Теперь он был твёрдо намерен вытеснить Мяо Ши с её места.

В отчаянии он обратился к родителям и старосте деревни: «Отец, мать, я не могу остаться без наследника! Староста Чжао, мы выросли вместе! Пожалуйста, помогите мне!»

Старосту Чжао это так разозлило, что он чуть не пнул его.

Однако больше всех баловала его мать. Видя, что её старший сын стареет без наследника, она не могла отказать ему. Если иметь детей невозможно, так тому и быть. Но теперь, когда у них уже есть внук в утробе, как можно было от него отказаться? Семья Шэнь уже приняла решение: выгнать Мяо Ши.

Мяо Син и Мяо Ван были в ярости. Больше не желая договариваться со старостой, они схватили Шэнь Чжигао за воротник и приготовились вывезти его прямо в уездный суд.

Мяо Син был огромным мужчиной, и ноги Шэнь Чжигао почти оторвались от земли. Он висел в воздухе, и его мозг вдруг снова заработал.

Ему пришла в голову мысль, и он сказал её вслух: «Цзяофэн сказала, что она не станет второй женой... Но она никогда не говорила, что Мяо Ши не может быть ею!»

Компромисс старосты подсказал ему блестящую идею.

В тот момент, когда Шэнь Чжигао заговорил, братья Мяо ещё не успели среагировать, но снаружи, где кто-то подслушивал, раздался резкий стук.

Шэнь Цин, который молча подслушивал, больше не мог сдерживаться. Он отложил инструменты, которые ремонтировал, схватил только что наточенный топорик и пошёл в дом.

<http://bllate.org/book/14994/1326459>